

После перенесенного сильного жара Пэй Чан ощутил ленивую, приятную легкость.

Его тело больше не казалось свинцовым, готовым утanutь на самое дно океана, но и не парило невесомо, как в последние несколько дней. Теперь внутри него появилось нечто настоящее, плотное, заставившее твердо стоять на ногах, — нечто такое, что идеально сочеталось с ним самим и принадлежало только ему.

Он повернулся и посмотрел на Цинь Ихэ, лежащего рядом с закрытыми глазами.

Тот прислонился к углу; его худощавое, но огромное тело, подобно нерушимому бастиону, надежно укрывало Пэй Чана в своих объятиях. И это новое, наполнившее его чувство зашевелилось, требуя выхода, сжимаясь и видоизменяясь в груди.

Он поднял руку и, прерывисто дыша, нежно коснулся его щеки.

Что это было за чувство?

Сладкое, доводящее до слез упоение; трепетное счастье, которое страшно разрушить неосторожным движением, словно хрупкий хрусталь; и в то же время — яростное, безумное, темное желание безраздельно владеть им.

Пэй Чан заворуженно всматривался в эти нечеловеческие черты. В его сияющих глазах читался такой чистый, трепетный восторг, словно перед ним лежал не измененный мутацией монстр, а нежный, светлый и невинный юноша из грез.

Наблюдая за ним, Система «Мужчина-мамочка» 7008 чувствовала, как сжимается от жалости её виртуальное сердце, но вместе с тем по её цифровым цепям пробегал леденящий ужас.

Пэй Чан вернул свою «бродячую собаку» и наконец-то обрел первую любовь.

Но теперь, возродившись и изменившись до неузнаваемости, он больше никогда не станет прежним.

Приподнявшись, Пэй Чан коснулся его губ долгим, нежным поцелуем.

На его щеках проступил легкий румянец, выдавая невинное смущение, совсем как у юноши. Однако в глубине его глаз вспыхивали опасные искры, а изгиб талии, подчеркнутый распахнутой, измятой одеждой, в сочетании с томящей истомой во всей позе рождал манящее, порочное искушение.

Пэй Чан долго и томительно целовал его, прежде чем нехотя отстраниться с затуманенным взором.

Цинь Ихэ, по всей видимости, выбился из сил. Редкое чувство покоя и безопасности наконец позволило его измученному телу расслабиться. Даже когда Пэй Чан зацеловал его губы до красноты, он так и не проснулся.

Пэй Чан прильнул к его обнаженной груди, медленно ведя ладонью вниз по крепкой руке, которая по-прежнему обнимала его.

Он гладил его широкое сухощавое плечо, сильное предплечье и, наконец, остановил пальцы на изувеченном запястье, бережно очерчивая шрамы.

Теперь, когда оковы, сжимавшие его десять лет, были сброшены, раны на запястьях и щиколотках Цинь Ихэ казались еще более жуткими. Кандалы стирали кожу в кровь, дробили кости, и за долгие годы непрекращающихся мучений эти незаживающие раны превратились в грубые, толстые рубцы и мозоли.

Пэй Чан благоговейно прижался губами к застарелым шрамам.

Издав тихий, умиротворенный вздох, он прикрыл глаза, наслаждаясь редким моментом тишины.

Спустя какое-то время Пэй Чан бросил последний взгляд на спящего Цинь Ихэ и осторожно выскользнул из его объятий.

Он босиком спустился из мансарды. Нежность на его лице мгновенно растаяла, уступив место ледяному спокойствию.

Остановившись в полумраке, где свет ложился лишь на половину его лица, он негромко спросил:

— В этом доме ведь есть подвал?

[.....]

— И все экспериментальные приборы Чэнь Сыцин находятся именно там, верно?

[Да...]

Лицо Пэй Чана осталось непроницаемым. Даже Система не могла угадать, какие мысли сейчас роились в его голове.

Ей казалось, что перенесенная лихорадка заставила Пэй Чана спрятать свое безумие еще

глубже.

Получив ответ, Пэй Чан не предпринял ничего — словно спросил лишь для того, чтобы подтвердить собственные догадки.

Вернувшись в спальню, он смыл под душем остатки многодневной болезни и надел безупречно скроенный черный костюм.

Высокий, статный, он замер перед зеркалом, придирчиво рассматривая свое отражение, и плавным жестом зачесал назад волосы, в которых теперь отчетливо серебрилась седина.

Пэй Чан не появлялся на работе несколько дней.

Когда он наконец вернулся в компанию, сотрудники корпорации готовы были разрыдаться от облегчения.

Но стоило им увидеть лицо генерального директора, как они застыли на месте, а все слова застряли у них в горле.

Пэй Чан сильно исхудал. Черный костюм подчеркивал его пугающую худобу, но властная, давящая аура никуда не делась. Было очевидно, что он перенес тяжелую болезнь.

Но больше всего пугали его волосы: темные пряди теперь щедро разбавляла проседь, словно за это короткое время он пережил страшное, непереносимое горе. Один взгляд на него заставлял сердце сжиматься.

При этом выглядел он на удивление бодрым — деятельным и сосредоточенным как никогда.

Мрачная пелена, вечно застилавшая его взгляд, рассеялась. Невидимое бремя, годами давившее на плечи, бесследно исчезло, а душевную пустоту заполнило нечто иное — плотное, осязаемое.

И все же эти перемены не принесли окружающим облегчения. Напротив, Пэй Чан стал казаться еще более пугающим и неприступным.

— Кто утвердил этот проект? — негромко спросил он.

Ассистент Цзинь, стоявшая неподалеку, поспешно ответила:

— Менеджер Пэй.

— Живо его ко мне.

Менеджер Пэй шел на встречу с Пэй Чаном так, словно спускался в самые глубины преисподней.

Когда Пэй Чан внезапно исчез, не оставив никаких вестей, менеджер поначалу не находил себе места от тревоги. Но шло время, ситуация не менялась, и в его голове начали копошиться корыстные мысли.

Он не знал, какую именно роль сыграли вещи, которые он тайно передал Чэнь Сыцин, но факт оставался фактом — Пэй Чан исчез.

Для остро нуждающегося в деньгах менеджера это стало шансом, который он просто не мог упустить.

Огромная корпорация временно осталась без присмотра. Акционеры не спешили лезть в дела компании, так что в отсутствие Пэй Чана всё перешло под его контроль.

На кресло генерального директора он не претендовал — кишка была тонка, — но вот погреть руки на миллионных сделках очень даже хотел. До прихода Пэй Чана к власти подобные хищения в корпорации были обычным делом, так что на фоне былых казнокрадов он считал себя образцом честности.

К тому же он успокаивал себя тем, что провернет это лишь однажды. Всего один-единственный раз.

Проворачивая дело, он чувствовал себя вершителем судеб: дикий страх смешивался с восторгом, лишая его сна на несколько ночей.

Но внезапное возвращение Пэй Чана подействовало на него как ушат ледяной воды.

Его колотило крупной дрожью. Бледный как полотно, он вошел в кабинет и едва не рухнул на колени под тяжелым взглядом хозяина кабинета.

Пэй Чан вальяжно сидел в кресле, закинув ногу на ногу. Между его длинными пальцами дымилась сигарета. Наблюдая за трясущимся родственником, он небрежно стряхнул пепел и вкрадчиво произнес:

— Что-то я не припомню, чтобы у менеджера Пэй были полномочия в одиночку одобрять проекты стоимостью в сотни миллионов юаней.

Менеджер Пэй затрясся еще сильнее, не в силах выпрямить спину. Ему казалось, что вернувшийся племянник стал еще опаснее и непредсказуемее. Жестокость и хладнокровие, скрытые под этой изящной внешностью, никуда не делись — они лишь ушли в тень, замаскированные чем-то новым.

Крупные капли пота катились по его лицу. Заметив, как Пэй Чан приподнял бровь, менеджер на неслушающихся ногах сделал несколько шагов вперед.

Разделенный с ним лишь широким письменным столом, бледный, хищно красивый генеральный директор подавлял одним своим видом. А седые пряди в волосах лишь добавляли его облику зловещей, пугающей харизмы.

Казалось, только теперь перед ним предстал настоящий Пэй Чан — абсолютно свободный в своих желаниях, жестокий и безумный.

— Менеджер Пэй, вы ведь всегда славились преданностью Председателю Пэй. Скажите, навещали ли вы его в больнице за эти дни?

Менеджер резко вскинул голову. Ужас сковал его тело; колени окончательно подогнулись.

— Я... я... — Он попытался было заговорить, но стоило ему встретиться взглядом с Пэй Чаном, как все заготовки рассыпались в прах. — Я виноват... Пэй Чан... нет, господин генеральный директор...

Он больше не мог удерживать равновесие и тяжело опустился на колени.

Пэй Чан молча откинулся на спинку кресла, безучастно наблюдая за ним.

Обливаясь холодным потом, несчастный менеджер взмолился:

— Пэй Чан... умоляю, я ошибся! Я сделаю все, что прикажете! Клянусь, я больше никогда не предаю вас, только пощадите...

Он валялся в ногах у Пэй Чана, являя собой жалкое, омерзительное зрелище.

Пэй Чан неторопливо переменял позу, затянулся сигаретным дымом и равнодушно бросил:

— Продолжайте делать то, что делали раньше.

Менеджер ошеломленно поднял голову, не понимая, что происходит.

— Не поняли? — Пэй Чан посмотрел на него сверху вниз.

— Понял! Все понял! — поспешно закивал тот.

Он действительно не понимал, к чему клонит Пэй Чан. Какую игру тот затеял?

Но спросить он не смел. Сейчас до него наконец дошло: какую бы сторону он ни выбрал, он останется лишь пешкой, которую в любой момент могут смахнуть с доски.

В кабинете воцарилась гнетущая, ледяная тишина. Менеджер шумно сглотнул, боясь сделать даже вдох.

— Надо же, — недовольно протянул Пэй Чан, — а пепельницы-то под рукой нет.

Услышав это, менеджер робко поднял голову и наткнулся на холодный, безразличный взгляд босса. Сердце ушло в пятки. Дрожащей рукой он потянулся вперед, подставляя ладонь. В следующее мгновение раскаленный окурок с шипением впился в его кожу.

Лицо менеджера исказилось от боли, но он не посмел издать ни звука.

Свидетели этой сцены, Помощник Сунь и Ассистент Цзинь, почувствовали, как по спинам пробежал холодок. Они стояли не шевелясь. Спустя минуту дрожащий менеджер покинул кабинет.

Помощник Сунь все еще ошарашенно смотрел ему вслед. Ассистент Цзинь легонько пихнула его локтем, заставив опомниться, но в этот момент взгляд помощника случайно упал на шею Пэй Чана чуть ниже уха.

Там красовался вовсе не укус, который шеф раньше стыдливо заклеивал пластырем, а свежий, вызывающе алый засос!

Помощник Сунь остолбенел. Заметив его ошарашенный вид, Ассистент Цзинь без лишних слов со всей силы наступила ему на ногу.

Тонкий каблук едва не пробил туфлю Суня. Тот чуть не взвыл от боли, но вовремя заметил, что Пэй Чан пристально и мрачно смотрит на него. Секретарь мгновенно побледнел и проглотил крик.

— Помощник Сунь.

— Да! — взмокнувший от пота секретарь поспешно склонил голову.

— Мне нужны часы с поддержкой полноценной связи. И чтобы там обязательно была функция мониторинга и отслеживания геолокации.

— А?..

Помощник Сунь, который все еще судорожно соображал, как сгладить неловкость, на секунду растерялся. Но поймав взгляд Пэй Чана, тут же закивал:

— Да, конечно! Я немедленно все устрою!

Он развернулся и, прихрамывая на ушибленную ногу, поспешил к выходу.

— погоди, — Пэй Чан смерил его взглядом. — Впрочем, не нужно. Я займусь этим сам.

Помощник Сунь застыл с открытым ртом.

Никто в компании еще не видел, чтобы Пэй Чан с таким трепетом относился к обычным часам.

Он не просто перенес все важные совещания на другие дни, но и отменил запланированные ужины и встречи.

Когда изготовленные на заказ часы наконец оказались у него в руках, Пэй Чан невольно улыбнулся. Помощник Сунь и Ассистент Цзинь, заметив это выражение его лица, невольно переглянулись — по их спинам пробежал холодок.

Воспоминания о том, как он обошелся с менеджером Пэй, были слишком свежи, и эта мягкая улыбка пугала подчиненных едва ли не больше, чем его ледяная жестокость.

Они оба отчетливо чувствовали: в Пэй Чане сломалось — или, наоборот, встало на место — что-то очень важное. Он стал другим.

— Господин генеральный директор, директор Чжэн из «Строительных материалов "Корона"» хотел бы встретиться с вами.

— Не принимаю.

Спрятав часы, Пэй Чан набросил на плечи пальто и стремительно направился к выходу.

Секретарши и помощники растерянно переглянулись и одновременно посмотрели на часы. Не было еще и шести вечера, а генеральный директор уже уходил домой! На их лицах отразилось крайнее изумление.

Помощник Сунь дернулся было за ним, но замер на месте, не зная, как реагировать на такое неслыханное событие.

Но сильнее всех был потрясен личный водитель.

Он своими глазами видел, как его обычно угрюмый и холодный босс зашел в цветочный магазин, а вернулся с охапкой цветов. Видел, с каким нетерпением Пэй Чан выскочил из машины у ворот виллы и почти бегом бросился к дверям. В его спешке, в том, как бережно он прижимал к себе букет, сквозило такое чистое, детское нетерпение, словно там его кто-то ждал.

И на вилле действительно его ждали.

Даже несколько часов разлуки казались обоим невыносимой, выжигающей душу пыткой.

Пэй Чан буквально влетел в дом. Стоило двери открыться, как сильные, бледные руки мгновенно привлекли его к себе, заключая в крепкие объятия.

Приподнявшись на цыпочки, Пэй Чан жадно поцеловал его в губы и прошептал, тяжело дыша:

— Цинь Ихэ, я вернулся.

<http://bllate.org/book/20309/2140251>